

Тётушка Ван осеклась, застигнутая врасплох этой резкой отповедью. Заметив, что соседки с любопытством прислушиваются к их перебранке, она попыталась сохранить лицо:

— Да я... я просто спросила. Чего ты, Тянь, сразу вскинулась?

— А кто тут вскинулся? — госпожа Тянь даже не подняла взгляда от шитья, лишь бровь иронично выгнула. — Я правду говорю: хочешь — покупай, не хочешь — дело твоё, никто тебя за руку не тянет. Только нечего в дела моей семьи нос совать.

Тётушка Ван набрала в грудь воздуха, готовясь разразиться новой тирадой, но вовремя прикусила язык. Она знала: Тянь Ши — баба взбалмошная, если закустится, то такого наговорит — век не отмоешься. Проглотив обиду под пристальными взглядами односельчанок, старуха лишь буркнула:

— Из добрых побуждений поинтересовалась, а ты... Как знаешь!

— Оставь свои «добрые побуждения» при себе, — госпожа Тянь лизнула кончик нитки и ловко продела её в игольное ушко. Она чинила штаны маленькому Мао-даню: сорванец вечно протирал прореху в самом интересном месте, ведь его богатство было столь велико, что никакая ткань не могла его удержать!

— Да, я раньше Ли Чжоучжоу последними словами крыла, не скрываю. Глаза мои завидующие были, на чужое добро зарилась. Пусть теперь все об этом знают, мне скрывать нечего. Но сейчас, когда речь об урожае зашла... Послушайте меня: если благодаря их способу в моих закромах зерна прибавится, я позволю Ли Чжоучжоу хоть по лицу меня хлестать прямо при всех, и слова против не скажу.

Она обвела соседок пронзительным взглядом:

— Я такая, какая есть. А ты, тётушка Ван? Неужто до сих пор на парня из-за той злосчастной печки и десяти медяков зуб точишь?

Собеседница почувствовала, как краска заливает лицо. Ей хотелось съязвить, оправдаться, но под насмешливым прищуром Тянь Ши слова застряли в горле. С трудом выдавив из себя подобие улыбки, она пробормотала, что всё это пустяки и никто старого не поминает.

— Ну-ну, — звонко отозвалась госпожа Тянь, — в чужую душу не заглянешь, но совесть-то не обманешь.

Атмосфера накалилась, и женщины поспешили вмешаться, стараясь перевести разговор в мирное русло. Кто-то из тех, что поближе общался с семьёй Чжан, решил подшутить:

— Неужто и впрямь стерпишь, если Чжоучжоу тебя прилюдно заденет? Не верю! Ты ведь первая в драку полезешь!

На это госпожа Тянь ответила уже без усмешки, вполне серьезно:

— А чего не стерпеть? Мы землёй кормимся. У меня сыновей полон дом, да у братьев моих — мал мала меньше. Если урожай в этом году богатым будет, семья Ли для нас благодетелями станет. Я ведь почему каждую копейку экономлю, почему братьям помогаю? Потому что у младшего брата жена даже грудью кормить не может, молока совсем нет! А если земля родить начнет, если брат сам на ноги встанет — мне и забот меньше будет, и с Чжуцзы из-за помощи родне ссориться не придется.

Она на миг отвлеклась от шитья, и взгляд её потеплел:

— Тогда и мой Да-ню, если захочет курицы, сможет есть её каждый день. И невесту ему сможем найти из хорошей семьи.

Тянь Ши всё рассчитала верно. Пусть в деревне её и считали языкастой сплетницей, дурой она никогда не была. Помощь родне тянула из её собственного дома жилы, вызывая недовольство мужа и вздохи свекра. Но если общее благосостояние вырастет, то и её «подношения» в родительский дом перестанут быть костью в горле у семьи Чжан.

— Если жизнь на лад пойдет и зерна будет в достатке, то разве моё лицо дороже этого золота стоит? — заключила она. — Семья Ли способ даром отдает. Да если урожай в поле удвоится, я на них молиться готова буду!

Слушая её, женщины невольно закивали. Раньше Тянь Ши считали просто склочной бабой, а теперь увидели в ней недюжинный ум и житейскую мудрость. Ведь и впрямь: если этот метод будет работать из года в год, то жизнь всей деревни изменится.

Разговоры закипели с новой силой. Все ждали завтрашнего собрания на Дабаба, где староста должен был открыть секрет удобрения для риса. Кто-то сомневался, кто-то боялся испортить всходы и решал для начала попробовать лишь на половине надела...

Тётушка Ван, чувствуя себя лишней на этом празднике надежды, молча собрала свои вещи и ушла в дом. Соседки проводили её взглядами, но задерживать не стали — уж больно тяжелым стал её нрав в последнее время.

Днем к Ли Да зашел староста. Они долго совещались за закрытыми дверями, пока односельчане подпирали заборы, тщетно пытаясь расслышать хоть слово. Наконец тот вышел, сжимая в руках тетрадь для записей.

— Всё, расходитесь! — зычно крикнул он любопытным. — Завтра после завтрака созываю всех на Дабаба. Там и поговорим. Мужчины, женщины, дядя — приходить всем, дело важное, решать будем вместе!

Староста знал ситуацию в деревне как свои пять пальцев: в иных домах женщины верховодят похлеще мужей. Придет такой мужик на собрание, половину прослушает, половину забудет — и дома всё перевернет. Уж лучше пусть все приходят и слушают сами.

Вечер в Сипин выдался необычайно оживленным. В каждом доме только и было разговоров, что о будущем богатстве. Те, кто верил в успех сильнее прочих, уже начали баловать детей сладостями, а на столах всё чаще появлялось жирное мясо. Но были и те, кто по привычке продолжал экономить каждую крупинку.

В доме тётушки Ван за ужином было хмуро.

— Опять эта перезревшая люффа... — проворчал младший сын, ковыряясь в миске.

— Жидкая похлебка, в ней собственное отражение видно, — поддержал его отец. — Хоть бы горсть крупы добавила.

— Матушка, когда мы начнем землю по-новому удобрять и урожай вырастет, оставим хоть немного белого риса для себя? Я так хочу белого риса, — с надеждой спросил младший. Заметив, как потемнело лицо матери, он поспешно добавил: — Ну, или хоть кашу из смеси злаков густую варить будем...

Тётушка Ван с грохотом поставила миску на стол:

— Ишь, размечтались! О будущем они грезят! А ну как способ этот — пустышка? Сейчас всё проедите, а в следующем году зубы на полку положите? Белого риса ему захотелось!

Младший сын не унимался:

— Но ведь у дяди Ли пшеницы собралось больше всех...

Мать одарила его таким взглядом, что парень тут же притих. В его детской голове не укладывалось: если в поле станет больше хлеба, разве это плохо? Почему же мать так злится? Даже в семье Мао-даня в последнее время мать варила яйца — пусть и делила одно яйцо на двоих, но всё же давала поесть.

Той ночью деревня погрузилась в сон не сразу. Кто-то грезил о полных амбарах, а кто-то, подобно тётушке Ван, мучился сомнениями и страхами. Но рассвет наступил для всех.

Ли Чжоучжоу проснулся с первыми петухами. За время страды он привык вставать ни свет ни заря. Открыв глаза, он увидел мужа, который мирно спал, приткнувшись лицом к его груди. Чжоучжоу невольно улыбнулся, любуясь безмятежным видом спящего Гу Чжао, а затем осторожно, стараясь не потревожить его, выбрался из-под одеяла.

Утро закрутило его в привычном водовороте дел: разжечь печь, приготовить завтрак, проверить кур и вычистить свинарник. Навоз он теперь собирал с особым рвением — муж сказал, что скоро он пригодится для арахиса на суходольных полях.

Жизнь обрела новый ритм. После сдачи налога у них осталось на продажу двадцать дань зерна, за которые казна выплатила один лян и шестьсот медяков. Если и с рисом всё выгорит, то к концу года, продав свинью и добавив деньги, которые отец зарабатывал кастрацией скота, они смогут накопить целых шесть или семь лянов серебра!

Чжоучжоу помешивал кашу, прикидывая в уме: если взять еще одного поросенка, то к весне в тайнике будет уже восемь или девять лянов. За вычетом расходов на дом, бумагу и тушь для мужа, да подношений учителю, у них всё равно останется добрая сумма. Через пару лет Гу Чжао сможет отправиться на экзамены в столицу области, и у него ни в чем не будет нужды.

От этих мыслей на душе становилось тепло. Вскоре проснулся и супруг. Умывшись, он зашел на кухню, чтобы помочь. Следом поднялся и Ли Да.

Завтракали во дворе. Утренний воздух был свеж, легкий ветерок приятно охлаждал кожу, и горячая еда казалась особенно вкусной.

— Чжоучжоу, пойдем с нами на Дабаба, — предложил Гу Чжао, когда с едой было покончено.

— Идите вдвоем, — покачал головой муж. — Ты ведь мне потом всё равно всё расскажешь. А я пока по дому управлюсь, дел накопилось...

Гу Чжао мягко взял его за руку. Он никогда не считал супруга просто «внутренним человеком», запертым в четырех стенах.

— Пойдем вместе. Я впервые буду выступать перед всей деревней, волнуюсь... — он лукаво прищурился, впадая в притворную слабость. — Вдруг кто-нибудь начнет со мной спорить или решит обидеть? Кто же мне тогда поддержку окажет? Только когда ты рядом, у меня на сердце спокойно.

Ли Чжоучжоу сначала вспыхнул от негодования.

«Кто посмеет обидеть моего мужа, который старается ради общего блага?!»

А затем, услышав последнюю фразу, совсем растаял.

— Ну, раз так... — он оставил невытую посуду. — Подождут тарелки, никуда не денутся. Идем.

На Дабаба уже яблоку негде было упасть. В центре возвышалось старое дерево, в тени которого обычно сушили зерно. Сегодня здесь решалась судьба будущего урожая.

Когда семья Ли появилась на площади, толпа заволновалась. К ним тут же потянулись люди, наперебой предлагая то семечки, то арахис. С Ли Да и Чжоучжоу здоровались тепло, по-свойски, а вот к Учёному Гу относились с подчеркнутым почтением. Никто не смел панибратски хлопать его по плечу или совать угощение прямо в руки — его спокойное достоинство внушало невольное уважение.

Вскоре появился староста с медным гонгом. Ударив в него, он зычно прокричал:

— Тише! А ну, притихли все!

Разговоры мгновенно смолкли. Даже сорванцы замерли, чувствуя торжественность момента.

— Про способ для суходольных земель вы уже всё знаете, — начал староста. — Кто не понял — спросите соседей или Учёного Гу после собрания. Сегодня речь пойдет о заливных полях. Семья Ли проявила великую щедрость и отдает нам этот секрет бесплатно. Помните об этом добре! Если кто-то решит в этом году отсидеться, а в следующем, позавидовав чужому успеху, начнет чинить козни на полях Ли Да — пощады от меня не ждите!

Он обвел толпу суровым взглядом:

— Но и вы поймите: способ этот новый, никто у нас так еще не делал. Гарантий никаких нет. Если вдруг что не заладится — не смейте винить Ли Да! Они с вас ни медяка не взяли, так что и спроса с них нет. Сами решайте — рисковать или нет. А теперь слово Учёному Гу.

Гу Чжао вышел вперед. Он не стал тратить время на пустые речи, зная, как люди жаждут подробностей:

— Для удобрения заливных полей нам понадобятся две вещи. Первая — моча, человеческая или скотская, любая сгодится. Вторая — гипс. Это каменный порошок, который смешивают с водой. Мочу нужно будет нагревать, выпаривать, чтобы она стала гуще, а затем добавить гипс. Точные пропорции я еще уточняю, но правило здесь одно: лучше сделать раствор слабее, чем переборщить и сжечь всходы. Вы, люди опытные, в земледелии смыслите больше моего, так что сами почувствуете меру.

Старики одобрительно закивали. Уж в чем, а в том, что лучше не доложить, чем пересолить, они разбирались отлично.

— Это мы понимаем, Учёный Гу дело говорит, — донеслось из толпы. — А где этот гипс брать? Что за порошок такой?

Тот пояснил:

— Я видел его в городской аптеке. Гипсовый порошок используют для борьбы с вредителями и очистки от грязи. Мешок весом в полдани стоит двести тридцать медяков. Если мы возьмем сразу много, староста сможет договориться о скидке. На десять му заливных полей нужно четыре мешка. Тогда эффект будет заметным, но безопасным для урожая.

Толпа загудела, люди принялись лихорадочно подсчитывать расходы. У кого было двенадцать му — тем, выходит, нужно пять мешков. По двести медяков за штуку — это целый лян серебра! Дорого, ох как дорого... Многие решили для начала взять один мешок на пробу, а кто-то и вовсе задумал подождать до следующего года.

Староста снова ударил в гонг:

— Даю вам два дня на раздумья! Главам семей — прийти ко мне и записаться в список. Время не ждет, поле не будет ждать. На третий день отправлюсь в деревню Дацзао за гипсом. Денег лишних себе не возьму, кто сомневается — поезжайте со мной!

Гу Чжао еще раз кратко напомнил о выжигании стерни и использовании золы для суходольных полей. На этом собрание было окончено.

В следующие два дня деревня только и жила обсуждением покупок. Тема «берешь или не берешь» вытеснила даже привычные приветствия. Только у дяди Вана не было этих забот — заливных полей у него не было, только суходольные.

Син-гэ'эр нашел Ли Чжоучжоу в толпе и спросил:

— Чжоучжоу, а ваша семья на все десять му будет удобрения вносить?

— Да, на все десять, — ответил тот.

— Неужто не боитесь? Неужели вы точно знаете, что урожай удвоится? — Син-гэ'эр разволновался, ведь его свекры отправили его разузнать всё поточнее.

Чжоучжоу покачал головой:

— Нет, мы тоже делаем это впервые. Просто я верю своему мужу. Он сказал, что получится — значит, стоит попробовать. Даже если выйдет плохо, ну что ж, оставим рис себе на еду.

После этого Син-гэ'эр замолчал. Он подумал, что Чжоучжоу так сильно любит своего супруга, что готов пойти на такой риск ради его слов.

Тётушка Ван была категорически против трат. Двести медяков за какой-то порошок! Но её муж и старший сын проявили твердость: «Купим два мешка на пробу». У них было двадцать му заливных земель. Старуха выдала деньги с такой миной, будто от сердца кусок отрывала.

На рассвете третьего дня староста собрал людей у ворот. В списке значилось более семидесяти хозяйств. Ли Эр тоже пригнал свою повозку — он решил рискнуть и купить два мешка для своих пяти му.

Путь в деревню Дацзао был неблизким. Ли Да собирался идти пешком, но Гу Чжао отговорил его, заметив, что на повозке старосты всё равно будет место для их груза. И юноша оказался прав. Когда делегация прибыла к торговцу, тот сразу узнал книжника.

— А, Учёный Гу! Помню вас, вы весной в аптеке про цены расспрашивали, тогда с вами еще высокий гэ'эр был.

Торговец, обрадованный крупным заказом, скинул по десять медяков с мешка, и в итоге сошлись на двухстах двадцати. Гипса на складе оказалось немного, хозяевам пришлось спешно обжигать новую партию. В итоге удобрения попали в Сипин только к середине августа.

На задних дворах деревни запылали костры. В старых чанах крестьяне кипятили мочу, а затем смешивали её с гипсом. Получалась густая паста, которую размазывали по земле и сушили на солнце.

Это и было мочевино-гипсовое удобрение.

Ли Чжоучжоу, следуя совету мужа, сшил себе плотные перчатки для работы в поле, чтобы не разъело кожу. К середине сентября работа была закончена. В доме Ли наконец-то наступило затишье. Нагрев два огромных котла воды, всё семейство с наслаждением отмылось от пыли.

Вечером Гу Чжао вспомнил о деле, которое откладывал почти месяц. Еще в августе из деревни Дунпин приходил человек от его отца, просил зайти.

— Пойдем завтра, — согласился юноша.

На следующее утро, облачившись в чистые одежды, они отправились в путь. За этот год Гу Чжао заметно возмужал: плечи его раздались, походка стала твердой. Старые халаты стали ему коротковаты и тесноваты в груди. Он не стал распускать волосы, а сделал прическу даоса.

Чжоучжоу любовался мужем, чувствуя гордость. Сам он тоже принарядился и взял с собой корзинку с гостинцами: горшочек домашних соленых огурцов с сахаром и восемь свежих яиц.

— Интересно, что Отцу Гу понадобилось? — спросил Чжоучжоу, когда они шли по полевой тропе.

— Уверен, речь пойдет об удобрениях, — отозвался Гу Чжао.

Когда у Ли Гуйхуа родился сын, Гу Сы даже не прислал весточки. Они с женой явно считали Гу Чжао отрезанным ломтем. А раз теперь сами позвали — значит, почуяли выгоду.

<http://bllate.org/book/15349/1422070>